

Вэнь Баю потребовалось полчаса, чтобы толково разъяснить духу картины, что такое художественная выставка. Он объяснил, что полотно держат здесь лишь потому, что старинный свиток крайне чувствителен к влажности и температуре, а господин Чжэн, безмерно почитающий мастерство Полуразрушенной Хижины, просто не захотел, чтобы шедевр сгинул в чужих руках, и выкупил его за огромные деньги.

Вэнь Бай даже мысленно порадовался: к счастью, дух только-только пробудился и его духовные силы толком не восстановились. Из-за этого он смог лишь спрятать нарисованное, а не затянуть в свиток живого человека.

Иначе с его-то норовом не то что Чжэн Бочан — вся семья Чжэн отправилась бы внутрь недели на две.

Дух и не подозревал, что его сон затянулся на целое тысячелетие. За тысячу лет мир людей изменился до неузнаваемости.

Зато картины его господина наконец дождались признания, обрели понимание, почтение и всенародную славу.

Вслух дух ничего не сказал, но Вэнь Бай чувствовал: тот искренне рад.

Условившись о трёх правилах, дух выпустил Вэнь Бая наружу.

Разомкнув веки, Вэнь Бай обнаружил, что снова стоит в подвале.

Резкая смена обстановки и полумрак заставили голову поплыть; ноги подогнулись, и он качнулся.

Уже приготовясь к неполноценному приземлению на пол, он ощутил, как крепкая рука подхватила его под поясницу и подтянула вверх.

Над самым ухом раздался сухой голос Лу Чжэна:

— Сколько тебе лет? Стоять на ногах так и не научился?

Вэнь Бай облегчённо перевёл дух.

Впрочем, выдохнул не он один — вдоль стены выстроилась целая шеренга людей, затаивших дыхание.

Даос Ли Чжицин со товарищи понятия не имели, о чём эта ожившая «картина» толковала с Лу

Чжэном. Они знали лишь одно: едва господин Лу пообещал выжечь духу макушку, как огненная искра на его пальцах тут же угасла.

Оружие-то он вложил в ножны, да только любой неслепой видел: владыка Лу всё ещё едва сдерживает ярость.

Вся компания боялась даже вздохнуть лишний раз, опасаясь, что их «неправильное дыхание» станет для господина Лу достаточным поводом спалить им душонки прямо на месте.

И лишь когда Бессмертный Вэнь вынырнул из свитка, напряжение спало.

В ту секунду никому из них и в голову не пришло гадать, куда и как Вэнь Бай исчез и почему вдруг возник из ниоткуда. Они знали одно: им даровали жизнь.

Убедившись, что Вэнь Бай твердо стоит на ногах, Лу Чжэн разжал пальцы.

Но тут же протянул руку над его плечом и царапнул пальцами плечо юноши, поддевая затаившийся там Маленький лотосовый фонарь.

— Ни черта не понимаешь, а туда же — лезешь напролом, — сгустился голос Лу Чжэна. — Кто тебе вообще разрешил?

Малыш-фонарь давненько не слышал от Лу Чжэна подобного тона. Жалобно пискнув, он уткнулся взглядом в Вэнь Бая.

Лу Чжэн слегка приподнял веко.

Взгляд был скользящим и небрежным, без единого слова, однако Вэнь Бай с ходу прочёл в нём отчётливую угрозу.

Словно тот недвусмысленно давал понять: «Попробуй только снова его разбаловать».

Вэнь Бай сжал зубы и виновато опустил голову.

На сей раз Лу Чжэн выговаривал по делу.

Малыш и впрямь проявил непростительную глупость.

Сегодня всё обошлось лишь потому, что в свитке не водилось ничего по-настоящему опасного.

Окажись там лютый злой дух или древняя скверна, выскочить оттуда без потерь у них бы точно не вышло.

Маленький лотосовый фонарь тоже сообразил, что натворил делов. Он приник к ладони Лу Чжэна, виновато сжался и поблек, а огонёк в фитиле заметно угас.

Глядя на эти попытки вымолить прощение, Лу Чжэн равнодушно роздал:

— Со мной этот номер не пройдёт.

И с этими словами бросил короткий взгляд на Вэнь Бая.

Вэнь Бай: «...»

Смысл этого взгляда читался проще некуда: «Сработает разве что с ним, да?»

... Что ж, спорить бессмысленно. С ним и впрямь срабатывало.

— Ступай и размышляй над своим поведением. Пока не дойдёт — не вылезай, — добавил Лу Чжэн.

Вэнь Баю почему-то показалось, что последняя фраза предназначалась не только фонарю.

Сжавшись в совсем уж унылый комок, Малыш обратился чёрным дымком и шмыгнул обратно в нефритовый флакон-тыкву.

Вэнь Бай ждал, что после нахлобучки малышу черёд дойдёт и до него, а потому заранее притих, приготовясь принимать упрёки.

Но Лу Чжэн лишь мельком оглядел его и сухо бросил:

— Договорился с духом?

Вэнь Бай кивнул.

— Угу, — отозвался Лу Чжэн и направился к выходу.

Вэнь Бай застыл в недоумении.

Линь Цю показалось, что между двумя великими предшественниками пробежала какая-то кошка, хотя в чём именно дело, он понять не мог.

Опасаясь, как бы между Вэнь Баем и Лу Чжэном не пролегла тень обиды, юный даос подскочил ближе и тихонько пересказал всё, что тут творилось с «огнём на кончиках пальцев» и макушкой духа.

Только тут Вэнь Бай осознал всю подноготную происшествия.

Поблагодарив Линь Цю, он подхватил свиток и поднялся из подвала.

Когда он вышел в гостиную, Лу Чжэн уже вальяжно восседал на диване и попивал чай.

Чжэн Бочан, увидев в руках Вэнь Бая картину, подскочил как ужаленный:

— Г-господин Вэнь! Всё... всё уладилось?!

Вэнь Бай помешкал и выдал взвешенный ответ:

— Почти.

Чжэн Бочан обомлел:

— Почти?..

Особняк у Чжэн Бочана был огромным, однако найти подходящее местечко оказалось той ещё задачей.

На дворе стоял конец июня, солнце припекало вовсю. Дух картины жаждал погреть бока, но под прямыми лучами полотно могло испортиться.

Вэнь Бай обошёл первый этаж, так ничего и не придумав.

Тогда Лу Чжэн, не спеша отставив пиалу, вскинул взор и ровно произнес:

— Второй этаж.

Вэнь Бай поднял глаза.

И аккурат на площадке увидел широкий оконный проём почти в человеческий рост.

Вглядевшись, он просиял.

Место действительно идеальное.

Семья Чжэн не могла похвастаться вековой историей в Наньчэне, однако предки их были из образованного сословия, так что при постройке дома соблюли изысканный вкус: прямо за окном шумела бамбуковая роща.

Густая зелень скрадывала палящие лучи, пропускала лишь мягкие блики света, а за стеклом было прохладно и в то же время куда теплее и уютнее, чем в сыром подвале.

К тому же вид открывался живописный — духу точно должно прийти по душе.

Чжэн Бочан, само собой, спорить не смел. Вэнь Бай поднялся к лестничному пролёту второго этажа.

Замрев у окна, он с легким шуршанием развернул свиток прямо на широком подоконнике.

Чжэн Бочан тут же разглядел вернувшихся на холст быка и мальчишку-пастуха, от радости потеряв лад в речи:

— Господин Вэнь... и бык, и мальчик... вы их поймали?!

Вэнь Бай сдержанно кивнул и добавил:

— Как будет время, вбейте здесь гвоздь. Ближайшие дни пусть картина повисит тут.

Чжэн Бочан засомневался:

— Это же древний свиток... Если висеть на свету, он не испортится?

— Не испортится.

— Хорошо-хорошо! — закивал Чжэн Бочан и, не откладывая дело в долгий ящик, тут же велел сыну принести инструмент.

Пока Чжэн Лу с грохотом вбивал гвоздь в стену, Чжэн Бочан не утерпел и вновь подал голос:

— Господин Вэнь, а вы решили повесить её здесь, потому что тут фэншуй подходящий? Она удержит нечисть?

— Нет, — ответил Вэнь Бай. — Просто вид красивый.

Чжэн Бочан захлопал глазами:

— А?..

— Ей так больше нравится.

— Кому... ей?

— Картине за вашей спиной.

Чжэн Бочан онемел.

Вэнь Бай вовсе не хотел пугать хозяина дома и с радостью соврал бы что-то нейтральное, но положение не позволяло.

Желание «погреться на солнышке» было лишь первой просьбой духа.

Если Чжэн Бочан споткнётся уже на этом, дальше с ним случится удар.

— Господин Чжэн, вы ведь знаете, что «Ребёнок, ведущий быка» был любимым произведением мастера Полуразрушенной Хижины? — мягко начал Вэнь Бай.

Чжэн Бочан, ещё не оправившись от шока, лишь смущённо кивнул.

— И вам, наверняка, известна притча о том, как мастер вешал этот свиток возле домашнего алтаря и ежедневно воскурял перед ним благовония?

У Чжэн Бочана зародилось скверное предчувствие:

— Вы хотите сказать...

Вэнь Бай постарался сохранить как можно более невозмутимый вид:

— Да. Снизойдёт время — возможно, раз в пару дней придётся возжигать перед ней палочку

благовоний.

Изначально дух требовал ежедневного подношения, однако Вэнь Бай, опасаясь, что Чжэн Бочан с непривычки сойдёт с ума, выторговал у духа уступку. Он убедил того, что приучать смертных следует постепенно, и дух с неохотой согласился сменить «каждый день» на «раз в два-три дня».

Чжэн Бочан лишился дара речи.

Чжэн Лу, вбивавший гвоздь, со всей дури заехал молотком себе по пальцу.

Подслушивавшие внизу даосы тоже оцепенели.

Воскурять благовония?!

Это они не антиквариат купили, это они предка себе на шею посадили?!

Чжэн Бочан чуть не заплакал:

— Господин Вэнь, но возжигать благовония... это же... как я могу...

— Всё в порядке, — успокоил его Вэнь Бай. — Достаточно просто зажечь палочку. Кто именно это сделает — роли не играет, никаких особых ритуалов не требуется.

Духу требовалась лишь духовная пища в виде дыма, а чья рука поднесёт огонь — дело десятое.

Но не успел Вэнь Бай договорить, как Чжэн Лу, тряся ушибленной рукой и молотком, выкрикнул:

— Я... я тоже духу не перечу, но подходить боюсь!

— Я к тому, что если вы опасаетесь наделать ошибок, можно попросить тех, кому вы доверяете.

Вэнь Бай повернулся и посмотрел на даосов из храма Цинъюнь.

Ли Чжицин тут же вышагнул вперёд и с готовностью отозвался:

— Храм Цинъюнь почтёт за честь взять эту заботу на себя!

Раз Бессмертный Вэнь говорит об этом так спокойно, значит, с тварью внутри всё улажено.

Зажечь благовония — труд небольшой, зато какая возможность снискать расположение такого могущественного мастера! Ли Чжицин разумно решил, что подобный шанс упускать нельзя.

Вэнь Бай благодарно кивнул. Так действительно было лучше всего.

Чжэн Бочан, хоть и хранил в душе смутную тревогу, понимал, что поручить дело даосам — наилучший выход. Он от души поблагодарил Ли Чжицина и согласился:

— Тогда отдаюсь на вашу милость, даос Ли.

— Что вы, постойте, — скромно отозвался Ли Чжицин.

Дело уладилось, и Вэнь Бай уже намеревался спуститься вниз, как вдруг Чжэн Бочан мертвенно побледнел, словно увидел перед собой самого Владыку Ада.

Он дрожащей рукой указал за спину Вэнь Бая и, заикаясь и едва двигая губами, выдохнул:

— К-картина! На холсте... смерть!

Вэнь Бай обернулся и застыл.

На самом верху полотна чьей-то рукой были выведены иероглифы:

«Вместе жить и умирать, вместе плакать над головой».

Та самая безвкусная и несуразная надпись, о которой упоминал дух картины.

Вэнь Бай на мгновение растерялся: находясь снаружи свитка, он не мог напрямую спросить духа, в чём дело. Ему ничего не оставалось, кроме как обратиться к Лу Чжэну.

Лу Чжэн, отдавая дань уважения юноше, поднялся с дивана и в пару шагов взмыл по лестнице.

— Дух чем-то недоволен? — тревожно спросил Вэнь Бай. — Или место ему не по нраву?

Лу Чжэн приложил ладонь к холсту, на миг прикрыв глаза.

Вокруг воцарилась звонкая тишина.

А в следующее мгновение Вэнь Бай заметил, как лицо Лу Чжэна заметно потемнело.

— Что он сказал? — осторожно поинтересовался Вэнь Бай.

Лу Чжэн опустил руку и, проигнорировав выжидающие взгляды остальных, посмотрел прямо на Вэнь Бая:

— Духовной энергии слишком мало. Заголодал — вот и скрутило от тошноты.

Вэнь Бай: «...»

— Каляки эти с холста никуда не девались, — сухо разъяснил Лу Чжэн. — Он просто проглотил их с помощью духовной силы. А теперь сил не осталось, вот его и вырвало парочкой иероглифов.

Вэнь Бай промолчал.

Лишь теперь до него дошёл истинный смысл слов духа: «Поскорее организуй мне подношения, а то я не сдержусь». Речь шла вовсе не о капризах, а о банальном несварении!

А стоявший рядом Чжэн Бочан уже был ни жив ни мёртв.

— Вместе жить и умирать... плакать над головой...

Он в ужасе повторил надпись и окончательно лишился сил.

Опоры в ногах не осталось, он тяжело откинулся на стену, судорожно вцепился в рукав сына и, едва не плача, сдавленно запричитал:

— Он же... он же всю мою семью извести собрался!

Вэнь Бай: «...»

Лу Чжэн: «...»